

Ен. А - 17 18 2

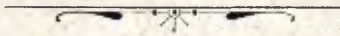
Л. А. Ландау.

Поѣздка въ Болгарію

во время

Болгарско-Сербской войны.

(Изъ студенческихъ воспоминаній.)

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1910.

Экз. А - 17189

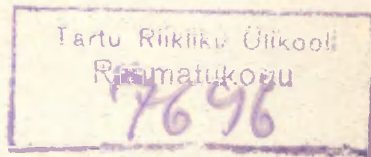
Л. А. Ландау.

Поѣздка въ Болгарію

во время

Болгарско-Сербской войны.

(Изъ студенческихъ воспоминаній.)

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1910.

Посвящается
товарищамъ-добровольцамъ.

Въ текущемъ 1910 году исполняется 25 лѣтіе со времени присоединенія къ княжеству Болгарскому Восточной Румелии, составляющей въ настоящее время Южную Болгарію и послѣдовавшей затѣмъ Болгарско-Сербской войны. Поэтому полагаю умѣстнымъ воспроизвести юніонскія воспоминанія, сохранившіяся у меня по личному участию въ событіяхъ того времени въ качествѣ добровольца. Къ сожаленію, имѣвшіяся у меня записки съ именами и датами утеряны и мнѣ приходится писать вновь лишь по памяти.

* * *

Быль Ноябрь 1885 года. Погода стояла хорошая, солнечная, на улицахъ Вѣны еще не выпадалъ снѣгъ.

Газеты были полны извѣстіями съ Балканскаго полуострова, гдѣ произошли крупныя событія и ожидалось еще болѣе рѣшительныя.

Болгарія провозгласила присоединеніе Восточной Румелии подъ именемъ Южной Болгаріи къ княжеству и сосредоточила на Турецкой границѣ свои войска, рвавшіяся въ бой въ защиту отечественной свободы.

Однако событія получили совершенно неожиданный направиленіе: король Сербскій Миланъ, опасаясь преобладанія Болгаріи, воспользовался ея затруднительнымъ положеніемъ. Въ расчетѣ перейти врасплохъ Болгарскую границу и чрезъ нѣсколько дней обѣдать въ Софіи въ княжескомъ конакѣ, онъ двинулъ изъ Ниша войска чрезъ Пиротъ, побѣдоносно прошелъ, не встрѣчая сопротивленія въ Царебродъ и чрезъ Драгоманскій проходъ до Сливницы; но этихъ нѣсколькихъ дней было достаточно для того, чтобы князь

Александръ успѣлъ отозвать войска отъ Турецкой границы и скорымъ маршемъ двинуться Милану на встрѣчу и въ Сливницѣ произошелъ рѣшительный бой и началось обратное безпорядочное бѣгство Сербской арміи.

Эти событія взволновали всю Европу, особенно Славянскую и въ частности Славянскую молодежь.

Императоръ Александръ III неодобрительно относившійся вообще къ политикѣ князя Александра и не желая поддерживать его въ казавшемся тогда сомнительнымъ образѣ дѣйствій Болгаріи, отозвалъ изъ Болгарской арміи всѣхъ русскихъ офицеровъ и командованіе арміей перешло въ руки молодыхъ оберъ-офицеровъ, не старше капитанскаго чина, почему Болгары того времени пѣли свой національный гимнь „Шуми Марица“ съ добавленіемъ вмѣсто „гей, гей генерале нашъ“ „гей, гей капитане нашъ“. Чтобы пополнить офицерскій составъ не только всѣ воспитанники военного училища были произведены въ офицерскій чинъ, но даже фельдфебеля и старшіе унтеръ-офицера назначались на офицерскія должности.

Изъ разныхъ университетскихъ уголковъ Европы въ Вѣну собралась въ началѣ Ноября 1885 г. Болгарская студенческая молодежь, спѣшившая на родину для защиты своего свободного отечества.

У Вѣнскаго банкира Паницы, являвшагося въ этотъ періодъ болгарскимъ представителемъ въ Вѣнѣ, былъ сборный пунктъ: здѣсь добровольцевъ снабжали одеждой и необходимыми средствами передвиженія.

Добровольцевъ, одѣтыхъ въ однообразныя сѣрыя шинели съ капюшонами на Südbahnhof провозжали всѣ Славянскія корпораціи, кромѣ Сербской „Zoga“. Здѣсь были Хорватское общество „Звониміръ“, Словенское „Slovenia“, Словацкое „Tatran“, чешское „Akademický Spolek“. Польское „Ognisko“, Украинское „Січ“, русское „Буковина“ и „Кружокъ студентовъ изъ Россіи“, а также Итальянское „Circolo Italiano“.

Веселымъ, оживленнымъ шествіемъ по улицамъ Вѣны двигались корпораціи съ національными флагами, вдохновляемая сдержаннымъ пѣніемъ національныхъ гимновъ.

Дебаркадеръ вокзала былъ всецѣло занятъ провожавшею добровольцевъ студенческою молодежью.

Добровольцы заняли нѣсколько вагоновъ и между ними были мои товарищи-медики по Вѣнѣ: Георгіевъ, Георгиновъ, Шишмановъ, Минчевичъ и др.

Оживленныя напутственныя рѣчи произносились на дебаркадерѣ представителями корпорацій и затѣмъ слѣдовали возгласы: „живіо“, „наздарь“, „ура“, подхватываемыя сотнями голосовъ; изъ оконъ вагоновъ виднѣлись протянутыя руки, махающія бѣлыми платками и шапками.

Мнѣ надо было, исполняя желаніе товарищей, также сказать напутственную рѣчь, которую я закончилъ словами: „до свиданія, увидимся на бранномъ полѣ“. Въ отвѣтъ раздались радостные голоса: „да, увидимся; да увидимся, пріѣзжайте!“

Кондукторъ загудѣлъ въ свой рожокъ и поѣздъ быстро двинулся, посылая намъ оставшимся дружные и радостные возгласы умчавшихся юношей.

Кромѣ вышеназванныхъ вѣнскихъ товарищей медиковъ оставался еще Живковъ и студенты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній: Каравеловъ, Каракашевъ, Мустафовъ (?) и Стефанъ, съ которыми я долженъ былъ нагнать чрезъ 2—3 дня товарищей-добровольцевъ.

Кромѣ Стефана, студента-фармацевта Фрейбургскаго Университета, о которомъ я вспоминаю съ тяжелымъ чувствомъ, у меня объ остальныхъ товарищахъ-добровольцахъ сохранились навсегда затѣмъ теплыя воспоминанія; съ особымъ удовольствіемъ я вспоминаю студента горной Академіи въ Фрейбургѣ Каракашева.

Здѣсь кстати припомнить знакомство мое въ Вѣнѣ съ сотрудникомъ нѣмецкихъ Пештскихъ газетъ Гамбургеромъ. Онъ только что возвратился изъ Болгаріи. Хотя и говорилъ, что онъ натерпѣлся всякихъ мытарствъ и его едва даже не высѣкли, но тѣмъ не менѣе былъ въ восторгѣ отъ Болгаріи и Болгаръ и, узнавши, что я ѣду въ качествѣ добровольца, снабдилъ меня письмами къ министру-президенту Каравелову и доктору Молову.

Нигдѣ не останавливаясь, мы, т. е. шесть добровольцевъ выѣхали изъ Вѣны по желѣзной дорогѣ чрезъ Буда-Пештъ до Турнъ-Северина. Здѣсь мы сѣли на пароходъ, который и привезъ насъ въ Ломъ-Паланку.

Это была чудная поѣздка, полная настроенія, душевнаго подъема и товарищескаго взаимодовѣрія.

На томъ же пароходѣ съ нами одновременно ѣхалъ Болгаринъ, полковникъ русской службы Кисяковъ.

Только подходя къ Виддину, мы стали различать признаки боевого времени. Нѣтъ-нѣтъ и доносился до нашего слуха глухой грохотъ орудійныхъ выстрѣловъ. — Это сербская армія подѣ начальствомъ генерала Лешанина наступала на Виддинъ изъ Акчарь-Паланки, встрѣчая отпоръ со стороны комманданта Виддинской крѣпости Узунова.

Въ Ломъ-Паланкѣ, куда мы затѣмъ прибыли, мы были втеченіе нѣсколькихъ дней задержаны префектомъ, такъ какъ съ одной стороны не было ни одной подводы, съ другой стороны долженъ былъ разрѣшиться вопросъ поѣдемъ-ли мы въ Софію, чтобы примкнуть къ студенческому отряду или, слѣдуя нашему общему желанію, сейчасъ-же передвинемся къ Виддину въ ряды Руцукскихъ добровольческихъ отрядовъ, прибывавшихъ въ Ломъ-Паланку.

По желанію комбатантовъ я долженъ былъ въ отношеніяхъ къ префекту быть „старшимъ“ и вести съ нимъ переговоры.

Помѣщеніе намъ отвели въ „Хотелѣ“ на берегу Дуная съ верандою вокругъ. Съ этой веранды открывался красивый видъ въ разныхъ направленіяхъ и здѣсь ежедневно происходили военныя совѣщанія.

Въ сторону города открывался видъ на площадь, наминававшую боевой лагерь времяемъ Тараса Бульбы. По ту сторону площади стояло двухъэтажное зданіе мужской гимназіи. Вся-же площадь была покрыта подводами запряженными буйволами: это „болгарская желѣзная дорога“ подтрунивали товарищи. На этихъ подводахъ медленно передвигался провіантъ, оружіе и боевые снаряды и подвозились плѣнные и раненные.

Массивныя фигуры извожиковъ „шоповъ“ въ ихъ бараньихъ тулупахъ съ открытою грудью, большихъ бараньихъ шапкахъ, съ усами хмурыми фізіономіями; блестящія группы добровольцевъ въ бѣлыхъ и черныхъ папахъ съ разноцвѣтными верхушками и со львомъ на тульѣ, патронной перевязью на груди и отблескомъ оружія, группы дѣтей и женщинъ, — все смѣшивалось въ пеструю боевую картину.

Нѣсколько разъ въ день можно было слышать барабанный бой; слѣдомъ за барабанщикомъ ѣхалъ верхомъ

офицеръ и останавливался гдѣ наиболѣе было людей, вокругъ него тѣснымъ кольцомъ собиралась группа и офицеръ читалъ новѣйшія извѣстія съ поля битвы.

Иногда видны были удрученныя лица съ выраженіемъ страданія: одному старику шопу сообщили, что оба его сына убиты: омрачилось лицо старика, поблѣднѣло, сухими стали дрожащія губы: „честно умерли за отечество“, — это все что онъ произнесъ и угрюмо сталъ кормить своихъ буйволовъ.

Казалось, что ни одного человѣка не было, который-бы въ той или другой степени не принималъ участія въ боевомъ настроеніи. Женщины ухаживали за больными и ранеными, шили одежду и патронташи, дѣти всѣхъ школьныхъ возрастовъ несли караульную службу. „Момче“ позвалъ я проходившаго мимо меня мальчика лѣтъ 12 съ винтовкой на плечѣ „подойди ко мнѣ“. — Имамъ работу, отвѣчалъ онъ съ сознаниемъ собственного достоинства и прошелъ мимо. Только больные и дряхлые старики и совсѣмъ маленькіе дѣти не принимали участія въ военномъ дѣлѣ. Можно, не прибавляя сказать, что вся страна, какъ одинъ человѣкъ, поднялась для защиты своихъ правъ.

Во всей странѣ была объявлена реквизиція и взамѣнъ денегъ воины платили записками, по которымъ населеніе должно было кормить, поить и одѣвать. Мои товарищи впрочемъ подсмѣивались надъ своими соотечественниками и говорили, что они припрятываютъ подальше продукты и одежду, чтобы никакая реквизиціонная записка ихъ не розыскала.

Наше желаніе примкнуть къ Руцукскимъ добровольцамъ, чтобы тотчасъ-же перейти въ боевыя позиціи, было остановлено префектомъ, который сообщилъ намъ личное распоряженіе князя, чтобы всѣ студенты-добровольцы явились въ Софію.

На 3-й или 4-ый день мы получили турецкій фургоны съ одной лошадкой и Туркомъ-возницей, который долженъ былъ перевезти насъ чрезъ Балканъ и доставить въ Софію. Почтовое сообщеніе еще не возстановлялось.

Медленно плелась лошаденка и мы попеременно садились въ фургоны, чтобы отдохнуть: по скорости — это было пѣшее хожденіе.

Только къ вечеру второго дня мы взобрались на Балканъ и здѣсь, въ селеніи Клиссура назначена была ночевка.

Безконечное пространство разстилалось у подножья горъ на далекое разстояніе захватывая горизонтъ.

Клиссура — это живописное, утопающее въ зелени селеніе, съ полями покрытыми малиновыми кустарниками, на которыхъ вызрѣваетъ крупная, сочная малина. Изъ нея только здѣсь выдѣлывается малиновое вино, очень цѣнное Болгарами и очень вкусное. Намъ удалось достать бутылку этого вина: оно по вкусу напоминаетъ хорошіе сорта ликеровъ.

Ночевали мы въ „ханѣ“, гдѣ за мангаломъ, въ котормъ всю ночь тлѣли уголья, кружкомъ сидѣли нѣсколько всадниковъ изъ отряда Паницы.

Товарищи рассказывали, что здѣсь въ горахъ въ обыкновенное время скрываются шайки разбойниковъ, но теперь они всѣ вышли изъ своихъ скрытыхъ жилищъ и поступили въ отрядъ Паницы.

Вѣроятно, къ числу этихъ добровольцевъ принадлежали и тѣ всадники, которыхъ мы застали въ Клиссурѣ.

Смуглыя, закаленные въ непогодѣ и горахъ лица, длиннотыя съ обильной сѣдиной, крѣпкія фигуры, одѣтыя въ свыкшіеся съ непогодой полумѣховые костюмы, обвѣшанные оружіемъ, — эти, своимъ видомъ вызывавшіе чувство жуткости люди, были добродушные и словоохотливые собесѣдники, потягивавшіе дымокъ изъ своихъ трубокъ и попивавшіе изъ маленькихъ чашечекъ по турецки приготовленный кофе.

Утромъ, только мы проснулись, мы услышали звуки приближающагося почтоваго колокольчика и чрезъ нѣсколько минутъ въ бричкѣ на парѣ подѣхалъ среднихъ лѣтъ мужчина. Это былъ нѣкій І., поставщикъ суммокъ для болгарской арміи; почтовая пара, на которой онъ пріѣхалъ, была первая почтовая поѣздка, предсказывавшая близкое прекращеніе боевыхъ дѣйствій.

Онъ ѣхалъ одинъ и товарищи рѣшили, что кто-нибудь изъ насъ поѣдетъ съ нимъ дальше, предложили мнѣ, чтобы я съ І. поѣхалъ въ Софію и встрѣтилъ ихъ тамъ. І. сначала отказывался брать кого-либо съ собой, косясь на насъ и ссылаясь на неумѣстительность брички, но когда на него прикрикнули и сказали, что онъ обязанъ везти кого ему укажутъ, такъ какъ добровольцы пріѣзжаютъ не деньги добывать, а кровью своей жертвовать, то онъ смолкъ и подчинился требованію.

Я тотчасъ же поѣхалъ съ І. Онъ сначала боязливо поглядывалъ на меня, придерживаясь за висѣвшій у него на поясѣ кинжалъ, но скоро мы разговорились, и когда онъ узналъ что имѣеть дѣло со студентами, то вполне успокоился.

Лошадки бойко спускались по красивой, лентой изви- вающейся террасами дорогѣ и скоро мы опустили въ до- лину а съ наступленіемъ сумерекъ мы были въ Софіи. І. подвезъ меня къ гостинницѣ и мы разстались.

Софія въ это время представляла изъ себя двѣ совер- шенно разныя по плану улицъ и построекъ части города европейскую и турецкую.

Европейская, въ центрѣ которой былъ княжескій ко- накъ, небольшое, но красивое во вкусѣ ренессансъ зданіе, окруженное садомъ. Вокругъ тянулись правильно распо- ложенныя улицы съ 2-хъ и 3-хъ этажными каменными зда- ніями, между которыми выдѣлялось зданіе народнаго собра- нія, банкъ, Вѣнская кофейная и друг. Большинство пра- вительственныхъ зданій было занято подъ временныя боль- ницы болгарскія и отрядовъ Краснаго Креста иностранныхъ государствъ; позже всѣхъ прибылъ отрядъ Россійскаго Крас- наго креста.

Былъ и общественный садъ, красиво распланированный съ клумбами и деревьями молодой посадки. У воротъ сада была прибита дощечка съ надписью „съ кучата на градина влизамъ забраняватся“ т. е. входъ въ садъ съ собаками воспрещается.

Грамматика болгарскаго языка въ то время лишь выра- батывалась, по образцу французской и сообразно съ народ- нымъ языкомъ, такъ склоненіе опредѣлялось лишь пред- логами въ родительномъ подежѣ „отъ“, въ дательномъ „до“; окончанія не измѣнялись. Забавляли меня такія стран- ности языка сравнительно съ русскимъ, какъ напр.: „лѣсъ“ по- болгарски „гора“, а „гора“ — „могила“, „планина“ или „бумага“ — „книга“ и т. д. Но въ общемъ несомнѣнно, что послѣ малороссійскаго болгарскій языкъ самый близкій изъ всѣхъ славянскихъ языковъ къ великорусскимъ нарѣчіямъ.

Турецкая часть города состояла изъ ряда узкихъ и кривыхъ улицъ съ низкими тѣсно прижатыми одна къ дру- гой постройками съ окнами жилыхъ построекъ глядящими во дворъ.

Масса торговцевъ и ремесленниковъ тутъ же, почти на улицѣ, выдѣлывавшихъ свои издѣлія и продававшихъ ихъ, пестрѣли красными фесками и чалмами. Часть этихъ торговцевъ были оставшіеся Турки, большинство-же Евреи-Испаньолы, говорившіе на турецкомъ языкѣ и иринявшіе обликъ Турокъ.

Здѣсь было много болгарскихъ и турецкихъ харчевень и лавокъ съ разными съѣдобными предметами. Мы не разъ приходили сюда пообѣдать. Особенно увлекались мы болгарскими пирогами: это печенье изъ слоеннаго тѣста, начиненное говядиной, творогомъ или вареньемъ и жаренное на бараньемъ салтѣ; продавались эти пироги по вѣсу кусками; и болгарскимъ напиткомъ бузою. Само собой разумѣется, что здѣсь, какъ и вездѣ на Востокѣ, продавались разнообразныя сласти, въ которыхъ медъ, макъ, засахаренные фрукты занимали видное мѣсто.

На слѣдующій день къ вечеру пріѣхали остальные добровольцы и тотчасъ-же выяснилось, что они примкнуть къ раньше пріѣхавшимъ студентамъ, которыхъ размѣстили уже въ казармахъ Александровскаго гвардейскаго полка, причисливъ къ нему въ видѣ отдѣльнаго ученическаго легіона. По желанію князя весь отрядъ долженъ былъ остаться въ Софіи, такъ какъ князь не хотѣлъ жертвовать молодыми силами, „надеждой отечества“.

Я навѣщалъ въ этихъ казармахъ товарищей и они жаловались на бездѣйствіе, томительную скуку и обиліе вшей, которыя отравляли имъ существованіе.

Въ это-же время во дворѣ казармъ мнѣ показали на группу милиціонеровъ шоповъ, окруженныхъ стражей. Эти милиціонеры оставили самовольно назначенные имъ карательные посты и по законамъ военнаго времени они подлежали разстрѣлу, но князь распорядился выпоротъ ихъ и отпустить.

Въ Софіи я пробылъ дня 2—3, представили меня митрополиту Клименту и завѣдующему военно-медицинскимъ дѣломъ доктору Миркому, а также секретарю общества Краснаго Креста Александру Людсканову. Ссылаясь на то, что я для Болгаріи „не надежда отечества“, я просилъ направить меня въ передовые отряды.

Я точно не помню, кто изъ товарищей водилъ меня

къ митрополиту, но кажется Минчевичъ и Живковъ. Митрополитъ принялъ насъ въ своемъ домѣ такъ, какъ принимаютъ добрыхъ товарищей. Его высокая плотная фигура и лицо съ окладистой темнокаштановой бородой дышало простотою и радушіемъ. Кабинетъ его былъ просторная невысокая сводчатая комната, уставленная письменнымъ столомъ и другой мебелью.

У митрополита мы застали еще 2—3 человекъ, помнится, Софійскаго кмета и Александра Людсканова. Всѣ говорили другъ другу „ты“. Митрополитъ былъ председателемъ „отъ българско дружество отъ червенія кръсть“. Еще не выяснилось въ какой отрядъ меня назначать, но такъ какъ о перемиріи шли уже настойчивые разговоры, то было рѣшено, что студенты медики будутъ распределены по лазаретамъ.

Докторъ Мирковъ сказалъ мнѣ, что назначеніе меня въ отрядъ будетъ зависѣть отъ завѣдующаго военно-медицинской частью на боевомъ полѣ доктора Молова. Издали на улицѣ мнѣ указали на господина средняго роста съ черной бородой и въ мягкой широкополой черной шляпѣ, — это былъ Стамбуловъ. „Это самый популярный у насъ человекъ“, сказалъ мнѣ одинъ изъ товарищей. Стамбуловъ въ это время былъ председателемъ народнаго собранія, а на время войны причисленъ ординарцемъ къ князю Александру.

Я выѣхалъ изъ Софіи съ архитекторомъ, нѣмцемъ, фамиліи котораго не помню, но который имѣлъ отношеніе къ двору князя, въ пути нещадно ругалъ встрѣчныхъ заграждавшихъ путь извозчиковъ шоповъ „свиньями и животными“. У насъ былъ хорошій рессорный фаэтонъ и мы быстро катили по направленію къ Сливницѣ.

Въ Сливницѣ, въ этомъ исторически незабвенномъ мѣстѣ, давшемъ Болгаріи блестящую побѣду, которая повела къ дальнѣйшему культурному развитію страны, я былъ на нѣсколько дней задержанъ. Здѣсь я долженъ былъ ожидать дальнѣйшаго распоряженія. Мысль о томъ, что я прозѣваю военныя дѣйствія волновала меня, да и дѣлать здѣсь нечего было, такъ какъ раненныхъ провозили въ Софію. Питались мы въ эти дни чернымъ черствымъ хлѣбомъ, брынзой и кириичнымъ чаемъ, — ничего другого достать нельзя было.

Какъ я счастливъ былъ, когда получилъ распоряженіе ѣхать въ Пиротъ, гдѣ была главная квартира князя Александра.

Проѣзжать надо было Драгоманскимъ проходомъ и здѣсь я поражался геройской побѣдѣ Болгаръ. Это сравнительно узкій проходъ между почти отвѣсными скалами, на вершинѣ которыхъ Сербы заняли позиціи. Болгарамъ приходилось по одиночкѣ карабкаться на эти вершины и по одиночкѣ можно было бы ихъ перестрѣлять; но убѣгавшіе уже изъ Сливницы въ паническомъ страхѣ отъ братоубійственной войны Сербы, зажмуривши, что называется, глаза, продолжали лишь убѣгать, уступая позиціи побѣдоноснымъ братьямъ.

Далѣе я проѣхалъ Царибродъ, переѣхалъ Болгарско-Сербскую границу и былъ въ занятомъ теперь болгарскими войсками Сербскомъ городѣ Пиротѣ.

Всѣ Сербы покинули городъ, только два-три семейства остались. Въ домѣ одного такого Серба отвели квартиру мнѣ и кавалерійскому поручику.

Въ тотъ-же вечеръ, чтобы повидаться съ докторомъ Моловымъ, я явился въ домъ, гдѣ происходили совѣщанія главнаго штаба князя. Меня принялъ ординарецъ студентъ Ст. Петербурскаго Института путей сообщенія; онъ былъ въ студенческой формѣ, только бряцавшія шпоры говорили о томъ, что онъ въ походномъ положеніи.

Въ залѣ засѣданій я засталъ кромѣ д-ра Молова, министра-президента Каравелова, Стамбулова и еще нѣсколькихъ человѣкъ.

Я передалъ имѣвшіяся у меня письма и на выраженное желаніе мое проѣхать въ передовые отряды, д-ръ Моловъ отвѣчалъ, что военныя дѣйствія пріостановлены, что теперь всѣ раненные и больные эвакуируются сюда, здѣсь будетъ много работы и потому врядъ-ли князь согласится, чтобы я былъ отосланъ далѣе Пирота.

На сколько можно было, я ознакомился съ Пиротской жизнью и изъ этого времени особенно дорогимъ сохранилось въ моей памяти знакомство съ двумя русскими, врачами Струмского полка, Садовскимъ и Герасимовымъ. Эти врачи были въ числѣ немногихъ русскихъ оставшихся вслѣдствіе невозможности покинуть свои посты. Съ ними я проводилъ большую часть времени то въ лазаретѣ, то на нашихъ квартирахъ.

Это было по настроенію очень напряженное время. Войска волновались и порывались въ побѣдоносномъ шествіи впередъ на Нишъ и съ трудомъ они сдерживались. Австрійскій представитель графъ Кевенгюлеръ заявилъ, что при дальнѣйшемъ движеніи Болгаръ имъ придется вступить въ бой съ Австрійскими войсками. Поэтому военныя дѣйствія были приостановлены и начались переговоры о перемиріи.

Врачи, о которыхъ я выше упоминалъ, были одни изъ первыхъ вошедшихъ въ Пиротъ. Какъ они были счастливы, когда оказались хозяевами чистенькаго, недурно устроеннаго лазарета съ обильнымъ запасомъ медикаментовъ. Къ сожаленію часть медикаментовъ, австрійской поставки, какъ напр. іодоформъ оказался фальсифицированнымъ, гипсъ на половину смѣшаннымъ съ мѣломъ и т. д.; но тѣмъ не менѣе они получили возможность ежедневно оперировать и наблюдать правильный ходъ леченія.

Какъ курьезъ И. Я. Садовскій показывалъ мнѣ звѣзду, которую онъ нашелъ на пути между Царибродомъ и Пиротомъ. Полагали, что эту звѣзду во время бѣгства потерялъ король Миланъ или кто либо изъ его ближайшихъ генераловъ.

Мои домохозяева, мужъ и жена Сербы, къ которымъ какъ я, такъ и поручикъ относились не какъ къ военноплѣннымъ, а какъ къ полноправнымъ хозяевамъ въ своемъ домѣ, всячески старались съ своей стороны оказывать намъ вниманіе. Ковши холоднаго краснаго вина не изсякали съ нашего стола и мы дѣйствительно пили его много.

Бывали и непониманія такого рода: однажды я обратился къ своей черноволосой хозяйкѣ съ просьбой дать мнѣ „спичекъ“. Она вспыхнула, какъ маковъ цвѣтъ, растерялась и выбѣжала изъ комнаты въ которой кромѣ меня былъ мужъ ея и еще нѣсколько человекъ. Здѣсь только я узналъ, что надо было просить „запалокъ“, слово же „спички“ имѣеть по Сербски совсѣмъ неожиданное значеніе.

Несмотря на запрещеніе князя открывать въ Пиротѣ кафешантаны и трактиры, было допущено однако нѣсколько маркитантовъ, брали по 5 левъ за бутылку пива и тѣмъ не менѣе можно было встрѣтить на улицахъ Пирота подгулявшихъ воиновъ. Однажды я встрѣтилъ добровольца-женщину, по профессіи акушерку. Она шла подъ обѣ руки съ офицерами. Некрасивая и немолодая, она тѣмъ не менѣе ко-

кетливо носила папаху, поверхъ юбки у ней была надѣта военная тужурка и съ боку болталась шашка; грудь ея украшали два креста: одинъ полученный ею отъ своей дружины, другой пришпиленный княземъ.

Боевая армія продвинулась изъ Пирота на нѣсколько верстъ впередъ по направленію къ Нишу и укрѣпилась здѣсь лагеремъ. Въ самомъ Пиротѣ осталось немного войскъ, размѣщенныхъ по домамъ. Команда въ войскахъ была русская.

Въ небольшихъ кружкахъ обсуждался образъ дѣйствій разныхъ отрядовъ и высказывалось неудовольствіе нерегулярными войсками, особенно отряду Паницы приписывались жестокости. Рассказывали, что его воины на лошадяхъ верхомъ врываются въ Сербскія церкви и протестовавшихъ „поповъ“ Паница приказывалъ бить и е . . въ ж . . у.

Въ войскахъ стало появляться все болѣе случаевъ сыпнаго тифа, развивалась эпидемія и потому я получилъ распоряженіе возвратиться въ Царибродъ и подготовить тамъ лазаретъ для тифозныхъ больныхъ.

Я въ это время былъ лишь студентомъ 5-го семестра, никакого опыта по леченію больныхъ у меня еще не было и потому, хотя и скрѣпя сердце, но я подчинился этому распоряженію тѣмъ болѣе, что докторъ Моловъ обѣщалъ въ послѣдствіи прислать и врача.

Лазаретъ, который я засталъ въ Царибродѣ человекъ на 25 съ аптекой, при которой былъ и фармацевтъ. Ни одного больного въ лазаретѣ еще не было.

Въ Царибродѣ стоялъ кавалерійскій полкъ и съ его врачомъ д-ромъ мед. Бочаровымъ, воспитанникомъ медико-хирургической академіи я тотчасъ-же познакомился. Это былъ среднихъ лѣтъ энергичный распорядительный врачъ, про котораго говорили, что онъ былъ-бы прекраснымъ полицмейстеромъ по своей распорядительности. Въ отношеніяхъ ко мнѣ онъ былъ чуднымъ и незамѣнимымъ начальникомъ — товарищемъ, воспоминанія о которомъ у меня и до сего времени еще свѣже сохранились въ памяти.

Ко мнѣ приставленъ былъ вѣстовой кавалеристъ.

Здѣсь въ Царибродѣ я познакомился и съ нашимъ бывшимъ министромъ путей сообщенія и предсѣдателемъ Главнаго Управленія Россійскаго общества Краснаго Креста покойнымъ княземъ М. И. Хилковымъ. Онъ въ это время

былъ Министромъ болгарскихъ дорогъ и во время войны завѣдывалъ на полѣ брани Краснымъ Крестомъ.

Знакомство наше произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Былъ вечеръ близко полуночи. Я дремалъ, лежа на койкѣ. Вzbудилъ меня вѣстовой: „пожалуйте въ офицерское собраніе. Негово Высочество пріѣхалъ“.

Я поспѣшилъ въ домъ, гдѣ жили офицера и вошелъ въ общую комнату. Здѣсь было накурено. Въ непринужденныхъ позахъ сидѣли и полулежали, весело разговаривая, человекъ десять офицеровъ. Я въ нерѣшительности остановился у двери разыскивая въ дыму князя Александра. Сейчасъ же впрочемъ выяснилось, что пріѣхалъ князь Хилковъ. Не помню точно, но кажется докторъ Бочаровъ меня тотчасъ же представилъ князю.

Князь пробылъ въ Царибродѣ дня два; раза два я вдвоемъ съ нимъ гулялъ въ окрестностяхъ Цариброда и мы непринужденно обмѣнивались впечатлѣніями текущихъ событий.

Тифозные случаи появились и среди Царибродскаго населенія и моей первой пациенткой была молодая дѣвушка, Болгарка, невѣста нѣкоего Карастоянова. Я засталъ дѣвушку въ очень тяжеломъ состояніи: съ сильно повышенной температурой, съ упадкомъ силъ и затемненнымъ сознаниемъ. Съ какимъ чувствомъ вѣры и надежды обращались ко мнѣ женихъ и родители ея и какъ смущенно и неуверенно я себя чувствовалъ, дѣлая впервые терапевтическія назначенія. Къ моему удовлетворенію и радостному чувству теченіе болѣзни приняло благопріятный оборотъ, пациенткѣ стало легче, температура понизилась, сознание прояснилось, и дорогимъ подаркомъ, какъ воспоминаніе моей первой самостоятельной медицинской практики, хранились у меня полученныя отъ пациентки въ подарокъ расшитыя узорами темносиніе носки ея собственной работы. Терапія, которую я примѣнялъ, состояла, при постельномъ положеніи, изъ обтираній укусной водою, діеты и жаропонижающихъ.

Когда изъ Пирота привезли въ лазаретъ человекъ около 20 тифозныхъ больныхъ, то я почувствовалъ свое безсиліе. Правда, докторъ Бочаровъ меня подбадривалъ, а аптекаръ давалъ, какъ могъ, свои совѣты, но тѣмъ не

менѣ чувства неувѣренности и нравственной отвѣтственности овладѣвали мной. Поэтому я телеграфировалъ и просилъ прислать возможно скорѣе врача. Сначала мнѣ отвѣтили, что нѣтъ въ запасѣ ни одного врача, а по второй телеграммѣ изъ Софіи отвѣчали, что командированъ врачъ Итальянецъ, а я вызывался въ Софію.

По возвращеніи въ Софію, я явился къ митрополиту Клименту, который назначилъ меня въ лазаретъ Германскаго Краснаго Креста. „Наши солдатики“ сказали онъ: „побоятся Нѣмцевъ, они подозрѣваютъ Нѣмецкихъ докторовъ въ томъ, что они безъ надобности рѣжутъ ихъ, чтобы учиться на нихъ. Постарайтесь разубѣдить раненныхъ въ этомъ и успокоить ихъ: вамъ какъ воспитаннику нѣмецкаго университета удастелъ это сдѣлать“.

Вмѣсто отвода квартиры, митрополитъ предложилъ мнѣ выбрать квартиру по своему вкусу и на расходы выдать по 10 левъ на день (врачи получали по 20, а фельдшера по 5 левъ на день). 300 левъ мнѣ были выданы серебряными монетами по 5 левъ.

Лазаретъ Германскаго общества Красн. Креста помѣщался въ зданіи банка. Во главѣ отряда былъ Германскій хирургъ Лангенбухъ. Я не помню фамилій его ассистентовъ, ихъ было три, но припоминаю старшаго ассистента, дѣльнаго и хорошаго хирурга и добраго товарища, безъ котораго я бы и то короткое время, которое провелъ въ этомъ лазаретѣ, чувствовалъ бы себя совершенно чуждымъ.

Передавши свою карточку, я былъ приглашенъ въ операціонный залъ, гдѣ Лангенбухъ дѣлалъ операцію. „А... Ландау“ встрѣтилъ онъ меня фамильярно-радостнымъ тономъ.

— Вы меня знаете, сухо отвѣчалъ я.

„Да, ваша фамилья нѣмецко-еврейская“.

— Можетъ быть, отвѣчалъ я: но я болгарскій доброволецъ, таковой-же и въ своей фамиліи.

Вѣроятно, этотъ діалогъ не содѣйствовалъ располагающимъ чувствамъ, такъ какъ, въ противоположность своему старшему ассистенту, Лангенбухъ послѣ этого относился ко мнѣ вызывающе и небрежно.

Я сталъ ходить на операціи, получилъ больныхъ, дѣлалъ повязки, знакомился съ ранеными, но Лангенбухъ косился на меня, а когда однажды я не нашель свѣжаго

халата и вошелъ къ операциі въ халатъ съ кровавымъ пятномъ, онъ тотчасъ же замѣтилъ, разсердился и я долженъ былъ выйти изъ операціонной.

Лазаретъ былъ вообще хорошо обставленный, просторный, съ достаточнымъ количествомъ инвентаря; чистота и антисептики строго соблюдались. Оперировалъ по большей части Лангенбухъ или старшій ассистентъ, иногда въ ихъ присутствіи кто либо изъ другихъ ассистентовъ. Правда, что заглядывали и въ атласъ для рѣшенія вопросовъ о положеніи пули, но операциі дѣлались *lege artis* и никакихъ сомнительныхъ моментовъ въ этомъ отношеніи въ моей памяти не запечатлѣлось.

Часовъ въ 12 Лангенбухъ и ассистенты послѣ операциі переходили въ врачебный кабинетъ и здѣсь завтракали, меня къ завтраку не приглашали.

Однажды въ послѣобѣденное время я сидѣлъ на койкѣ у раненнаго и пилъ съ нимъ чай. Вошелъ Лангенбухъ съ кѣмъ-то, вѣроятно, изъ лицъ Германскаго представительства. Я не помню поклонился-ли я при входѣ Лангенбуху или же не сдѣлалъ этого, потому что втеченіе дня нѣсколько разъ съ нимъ видѣлся, но помню, что въ разговорѣ съ своимъ собесѣдникомъ онъ упомянулъ мою фамилию. Пройдя по палатамъ, они возвратились и, дойдя уже до выходной двери, Лангенбухъ обернулся и позвалъ меня.

„Развѣ вы не знаете, замѣтилъ онъ мнѣ рѣзко: что у насъ на западѣ обычай вставать, когда входитъ старшій“.

Неожиданность этого замѣчанія меня разсердила и я отвѣчалъ:

— „А у насъ на востокѣ обычай, входя въ помѣщеніе, здороваться съ присутствующими.“

„Да, а мой санъ! раздраженно продолжалъ Лангенбухъ.“

— Вашъ санъ для меня безразличенъ, потому что я не вашъ подчиненный, а болгарскій доброволецъ.

Лангенбухъ вышелъ изъ себя:

„Хорошо-же, я сейчасъ же поѣду къ Главному военному врачу и мы узнаемъ зачѣмъ васъ сюда прислали“.

Одѣвши шубу, шапку и калоши Лангенбухъ снова позвалъ меня:

„Вы не отказываетесь отъ того что вы говорили?“

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: я васъ не обидѣлъ.

Прошло минутъ 15—20 и Лангенбухъ вернулся съ докторомъ Мирковымъ, котораго онъ встрѣтилъ по пути въ лазаретъ на улицѣ.

Меня вызвали въ корридоръ, гдѣ Лангенбухъ объяснялся съ д-ромъ Мирковымъ.

„Докторъ Лангенбухъ, сказалъ Мирковъ, жалуется на то, что вы его обидѣли и требуетъ извиненія“.

Я объяснилъ доктору Миркову все что произошло между мной и Лангенбухомъ, выразилъ удивленіе по поводу неожиданныхъ претензій, которыя онъ иредъявляетъ и сказалъ, что не знаю основаній, по которымъ я долженъ былъ-бы предъ нимъ извиняться.

„Знаете, сказалъ Мирковъ: они гости у насъ а создается неловкость положенія“.

— Да, при такой постановкѣ вопроса я къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ я, почувствовавши облегченіе.

— Я не имѣлъ въ виду васъ обидѣть, сказалъ я Лангенбуху: и извиняюсь въ сказанномъ.

Лангенбухъ родостно протянулъ мнѣ руку:

„Теперь оставайтесь у насъ, мы будемъ добрыми друзьями“.

„Безъ дружбы — нѣтъ службы“, сказалъ съ усмѣшкой по русски докторъ Мирковъ: „не оставайтесь здѣсь“.

Я поблагодарилъ Лангенбуха за его приглашеніе, но сказалъ, что послѣ происшедшаго объясненія оставаться здѣсь не могу.

Я получилъ распоряженіе перейти въ Австрійскій лазаретъ общества Краснаго Креста, помѣщавшійся въ зданіи Александровской больницы и находившійся въ завѣдываніи д-ра медицины Бумма.

На слѣдующій день утромъ, когда я стоялъ на панели съ чемоданчикомъ, въ ожиданіи извозчика, на встрѣчу мнѣ быстро шелъ докторъ Лангенбухъ. Онъ издали уже поклонился и, пожимая мнѣ руку, сталъ снова удерживать у себя. Когда-же я сказалъ, что рѣшительно уѣзжаю въ лазаретъ Австрійскаго общества Красн. Креста, Лангенбухъ пожелалъ мнѣ всего лучшаго и мы съ рукопожатіемъ разстались.

Александровская больница внѣ города. Парный извозчикъ на саняхъ меня быстро туда довезъ; но слѣдомъ за

моимъ прїѣздомъ, я получилъ распоряженіе переѣхать въ больницу болгарскаго дружества Краснаго Креста, находившейся въ завѣдываніи доктора Минчевича. Въ этой больницѣ я работалъ вплоть до самаго отъѣзда своего изъ Софіи.

Больница эта помѣщалась въ каменномъ двухъэтажномъ зданіи принадлежавшемъ Министру торговли Сукнарову. Онъ-же былъ и попечителемъ и завѣдующимъ хозяйствомъ этой больницы.

Ему было тогда лѣтъ около 40, средняго роста, полный, съ черной окладистой бородой, окаймлявшей открытое и спокойное лицо, онъ совершенно просто и непринужденно относился ко всѣмъ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло.

Докторъ Минчевичъ былъ нѣсколько выше его ростомъ, худощавый, съ черными усами и гладко выбритымъ подбородкомъ; онъ былъ мало разговорчивъ, казался даже угрюмымъ, но въ отношеніяхъ съ нимъ я не помню ни одного облачка, которое оставило бы во мнѣ осадокъ неудовольствія.

Въ больницѣ было много раненныхъ и больныхъ Болгаръ и Сербовъ. Настроеніе болгарскаго солдата близко къ настроенію русскаго: добродушный, апатичный, съ шуточкой относящійся къ своимъ страданіямъ. Настроеніе же Серба было совсѣмъ иное: болѣзненно чувствительный къ самой легкой боли, недовольный, мрачный, часто вздыхающій и въ своихъ вздохахъ повторяющій: „майко моя, майко“.

Вопросъ о перемиріи былъ рѣшенъ уже въ утвердительномъ смыслѣ, шли необходимые переговоры и Софія стала готовиться къ встрѣчѣ князя съ побѣдоноснымъ войскомъ.

Улицы разукрасились арками, гирляндами, дома покрылись коврами и флагами.

Наступилъ день прїѣзда князя. Съ утра все населеніе столицы наполнило улицы, ведущія къ конаку. Дежурные ординарцы прилетали съ окраины города и привозили вѣсти о приближеніи войскъ.

Подъ звуки церковнаго звона, оркестровъ и криковъ „ура“ показались головы двигавшейся колонны.

Впереди ѣхалъ верхомъ князь Александръ, окруженный свитой и конвоемъ въ красивыхъ лейбъ-гусарскихъ мундирахъ. Его добродушное съ оттѣнкомъ грусти лицо было

утомлено и усталая ласковая улыбка сквозила изъ подъ густыхъ усовъ. Князя засыпали цвѣтами и букетами.

Съ слѣдующаго-же дня князь сталъ объѣзжать военныя и больничныя учрежденія и въ одинъ изъ ближайшихъ дней пріѣхалъ и въ нашу больницу.

Докторъ Минчевичъ и я встрѣтили его въ бѣлыхъ врачебныхъ халатахъ. Сукнаровъ былъ въ черномъ сюртукѣ; сестры и братья милосердія на своихъ мѣстахъ.

Князь, поздоровавшись съ Сукнаровымъ, пожалъ руку доктору Минчевичу и мнѣ, и сталъ съ нами обходить раненныхъ. Онъ останавливался у каждой койки, разсиранивалъ раненнаго: какого онъ полка и въ какомъ бою раненъ, когда; спрашивалъ у доктора Минчевича о степени пораненія и болѣе тяжело раненымъ прищипливалъ голубую ленточку боевого знака отличія, которую ему подавалъ сопровождавшій его адъютантъ.

Когда князь уже выходилъ, протискалась мимо насъ одна изъ сестеръ милосердія и, обращаясь къ князю, стала просить, чтобы онъ далъ еще одинъ крестъ для тяжело раненнаго, котораго онъ не замѣтилъ. Докторъ Минчевичъ подтвердилъ слова сестры милосердія и князь передалъ ей ленточку.

Возвращеніе войскъ эшелонами дѣлалось нѣсколько дней. Въ одинъ изъ этихъ дней, стоя вблизи княжескаго конака, я въ ряду возвращавшихся воиновъ, увидѣлъ низенькаго сутуловатаго челоуѣка въ болгаркѣ (такъ назывались суконныя военного покроя сорочки) безъ пояса, съ крестомъ на груди.

Я тотчасъ же узналъ Берову, окликнулъ его и мы тутъ-же облобызались. Берову я зналъ по Вѣнѣ: онъ былъ прежде студентомъ Харьковскаго университета, былъ исключенъ по какому то дѣлу, поставившему его въ ряды неблагонадежности и уѣхалъ въ Вѣну. Здѣсь онъ посѣщалъ лекціи на философскомъ факультетѣ, былъ однимъ изъ основателей академическаго общества „кружокъ студентовъ изъ Россіи“ и уѣхалъ въ Болгарію, гдѣ война его застала въ качествѣ учителя Русцукской или Варненской гимназіи. Онъ надѣлъ болгарку, взялъ ружье и вступилъ въ ряды защитниковъ отечества,

Въ числѣ болгарскихъ добровольцевъ, кромѣ меня, былъ

еще только одинъ русскій студентъ Женевскаго университета Моравскій. Онъ сперва былъ дружинникомъ въ отрядѣ Паница, а затѣмъ перешелъ въ ученическій легіонъ.

Я также по прежнему считался въ ученическомъ легіонѣ и время отъ времени заходилъ къ товарищамъ въ казармы. Въ одинъ изъ такихъ дней весь отрядъ съ командовавшими офицерами и фельдфебелями (одинъ изъ которыхъ былъ русскій) прошли къ собору и фотографъ Карастояновъ снялъ съ насъ общую группу, которая у меня и до сего времени сохранилась въ видѣ неразрывной памяти о пребываніи своемъ въ Болгаріи.

Въ этой группѣ не мало юношескихъ лицъ, имена которыхъ впоследствии вліяли на историческія судьбы Балканскаго полуострова.

Въ легіонѣ былъ доброволецъ, студентъ Одесскаго университета Н. Стипендіи у него не было, и не было вообще никакихъ средствъ къ существованію, на тѣ-же уроки, отъ которыхъ онъ получалъ средства къ существованію, по возвращеніи онъ не могъ рассчитывать. Надо было обезпечить его возвращеніе въ университетъ. Меня и Каракашева просили собрать въ пользу Н. Первый подписался на листѣ митрополитъ Климентъ 25 левъ, затѣмъ Людскановъ и другіе.

Мы зашли къ полковнику Кисякову. Онъ былъ домовладѣлецъ въ Софіи и считался однимъ изъ наиболѣе состоятельныхъ лицъ.

Мы застали у него Каравелова, Стамбулова, поэта Словейкова, Узунова, брата защитника Виддинской крѣпости и другихъ.

Когда мы рассказали Кисякову о цѣли нашего прихода, то онъ отвѣчалъ:

„Что подписки? Это только на время. Ему надо добыть стипендію; кстати министр-президентъ здѣсь и мы сразу оборудуемъ это дѣло . . . Каравеловъ!“ . . . назвалъ онъ затѣмъ министра, но его въ комнатѣ не было уже.

„Вотъ видите какіе у насъ министры, продолжалъ Кисяковъ, какъ только почувствовалъ, что на него имѣются виды, его и слѣдъ простылъ. Дѣлать нечего, ограничимся подпиской“.

Всѣ присутствовавшіе подписали по 25 и по 10 левъ

и въ общемъ мы собрали нѣсколько сотъ левъ, которые и обезпечивали возвращеніе N. въ Одессу.

Время внѣ больничной работы проводилось въ Вѣнской кофейнѣ: здѣсь легіонеры играли на бильярдѣ, въ шахматы, пили вѣнскій меланжъ и турецкій кофе или пиво, читали газеты. Кофейня всегда была полна, здѣсь былъ общій обмѣнъ мыслей, здѣсь узнавались всѣ текуція событія дня.

Иные вечера проводились въ кафе-шантанѣ, гдѣ игралъ пріѣзжій женскій оркестръ, пѣли шансонетныя пѣвицы.

Изъ многочисленныхъ людей, которые какъ въ калейдоскопѣ проходили предъ моими глазами, припоминаются немногіе: помню мужа и жену бароновъ Рентъ, они очень нуждались денежно и баронесса сама стирала бѣлье въ видахъ экономіи. Относится къ тому-ли времени имя врача психіатра Головиной въ Варнѣ или я позже узналъ о ней изъ литературы, точно не могу припомнить. Это имя въ моей памяти фиксировалось параллельно съ именемъ моряка Луцкаго командовавшего въ Варнѣ флотиліей. Припоминается мнѣ делегатъ австрійскаго Управленія Краснаго Креста, фамилію его не помню, хотя бывалъ у него и мнѣ вспоминается его кавалерійскій мундиръ и бѣлый плащъ съ большимъ краснымъ крестомъ. Помню Румынскаго врача, который примкнулъ къ студенческому легіону и снятъ въ нашей общей группѣ.

Заинтересованный Евреями-Испаньѣлами, я однажды посѣтилъ Софійскаго хахама Алмазнино. До Софіи онъ былъ Іерусалимскимъ раввиномъ. Старикъ принялъ меня въ большой комнатѣ гдѣ мы, разговаривая, сидѣли на диванѣ, предъ нами стоялъ столикъ. Сначала онъ позвалъ своего черноглазаго внука, потомъ дочь его съ молчаливымъ поклономъ внесла 2 чашечки турецкаго кофе.

Старикъ рассказывалъ о томъ, что они въ Болгаріи равноправны, что отъ князя онъ имѣетъ знаки отличія, что по своему сану состоитъ членомъ народнаго собранія; о томъ, что предъ войной князь отдѣльно обращался къ солдатамъ-Евреямъ съ рѣчью, говорилъ имъ, что они равноправные сыны общаго отечества, призывалъ ихъ къ патріотизму и исполненію своего долга предъ отечествомъ. По Болгарскому обычаю послѣ второй чашки кофе, которую подали, надо было выпивши уходить, что я и сдѣлалъ.

Припоминается кстати другой болгарскій обычай, выражающій собою объединеніе собравшагося общества: хозяйка вноситъ на подносѣ вазу съ вареньемъ и каждый изъ присутствующихъ съѣдаетъ ложечку этого варенья, затѣмъ хозяйка переходитъ къ слѣдующему гостю, пока не обойдетъ всѣхъ присутствующихъ.

Я не помню теперь у кого именно, но бывалъ со своими комбатантами въ нѣсколькихъ домахъ, встрѣчалъ всегда гостепріимный и радушный приѣмъ.

Изъ врачей припоминается еще докторъ Шишмановъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ въ Софіи врачей, имѣвшій обширную практику.

Припоминаю также отца Стефана, часовыхъ дѣлъ мастера. Я въ послѣдствіи встрѣчался съ нимъ также въ Вѣнѣ, о чемъ рѣчь впереди.

Всѣ легіонеры въ Софіи были обмундированы по военному, мы же оставшіеся при больницахъ (Георгіевъ, Георгиновъ, я и друг.) носили, по большей части, лишь Вѣнскую шинель съ перевязью краснаго креста и свои шапки или папахи. Я носилъ шапочку русскаго военнаго покроя или бѣлую папаху съ краснымъ верхомъ и львомъ на тульѣ, была у меня и тужурка военнаго покроя.

Рѣшено было, что по заключеніи перемирія, мы разъѣдемся по своимъ университетамъ. Одинъ студентъ изъ отряда Паницы хотѣлъ уѣхать раньше, Паница-же не отпускалъ его. Вышелъ споръ, во время котораго подвыпившій начальникъ застрѣлилъ студента.

Предлагали намъ на три недѣли остаться въ военномъ училищѣ для полученія офицерскаго чина, но помнится, что изъ всего отряда только одинъ поступилъ въ училище, остальные же студенты спѣшили къ своимъ занятіямъ. Мнѣ отдѣльно предлагали также болгарскій паспортъ, но я отвѣтилъ тогда, что теперь не поставленъ въ необходимость имъ воспользоваться, но можетъ быть въ послѣдствіи онъ мнѣ и понадобится.

Предъ отъѣздомъ я былъ внесенъ въ списокъ дѣйствительнымъ членомъ болгарско дружество отъ червенія кръсть и взялъ съ собою свидѣтельство о службѣ въ этомъ дружествѣ за подписью предсѣдателя митрополита Климента и секретаря Александра Людсканова.

Надо еще упомянуть о знакомствѣ съ нѣсколькими лицами судебного вѣдомства, сражавшимися въ рядахъ болгарской арміи. Изъ нихъ особенно близко сохранилось воспоминаніе о членѣ суда Калиновѣ.

Послѣ отъѣзда изъ Болгаріи у меня еще продолжалась переписка съ нимъ.

„Россія, писалъ онъ мнѣ въ одномъ изъ писемъ¹⁾, не отвѣчаетъ намъ тѣми чувствами привязанности, которыя мы питаемъ къ ней; но вы съ нами жили, насъ узнали и навѣрное не измѣните къ намъ своего отношенія“.

Къ болѣе позднему времени относится моя переписка съ докторомъ Мирковымъ.

Это было до службы моей на о. Сахалинѣ. Служебныя затрудненія, возникавшія у меня въ пути, были импульсомъ, вслѣдствіе котораго я вообще хотѣлъ перейти въ военное вѣдомство. Приблизительно въ это же время Главный военно-медицинскій Инспекторъ Реймертъ далъ мнѣ свое согласіе на перемѣщеніе меня въ военное вѣдомство.

Докторъ Мирковъ, которому я писалъ о своемъ желаніи, отвѣтилъ мнѣ обстоятельнымъ, товарищескимъ письмомъ. Онъ писалъ, что система службы военныхъ врачей въ Болгаріи измѣнилась и онъ не сторонникъ новой системы. Прежнее подчиненіе врачей лишь Главному военно-медицинскому Управленію замѣнено подчиненіемъ полковымъ командирамъ и врачи сравнены съ прочими офицерами въ чинахъ, такъ что при поступленіи на службу врачъ получаетъ не чинъ капитана, какъ это было въ соответствіи съ русскимъ чиновничествомъ, а чинъ подпоручика.

Поэтому онъ мнѣ не совѣтовалъ переходить на военную службу въ Болгаріи, хотя и не отказывалъ въ своемъ содѣйствіи.

Не было сомнѣнія, что перемиріе не будетъ нарушено и приведетъ къ заключенію мира и въ 20-хъ числахъ декабря 1885 часть добровольцевъ-студентовъ человекъ 30 выѣхали на саняхъ, на подобіе нашихъ розвальней по 5 человекъ изъ Софіи по направленію къ Вѣнѣ. Въ однихъ изъ этихъ саней ѣхалъ и я.

1) Заношу эти строки по памяти, поэтому за дословную ихъ точность не ручаюсь.

Мы ѣхали на Виддинъ. Въ нашихъ подбитыхъ вѣтромъ шинеляхъ становилось холодно и мы, тѣсно прижавшись другъ къ другу и укрывши общимъ покрываломъ головы дремали и согрѣвались собственнымъ дыханіемъ.

Мы проѣхали по пустыннымъ улицамъ Виддина съ турецкими постройками и мечетями и, миновавъ Виддинъ, переправились на другую сторону Дуная. Здѣсь мы были уже въ Румыніи.

О Болгаріи у меня сохранились самыя теплыя воспоминанія, не смотря на разочарованіе, которое я вынесъ отъ неудачи личнымъ участіемъ быть въ бою въ передовыхъ позиціяхъ.

Со всѣми товарищами установились наилучшія отношенія.

Нѣкоторый диссонансъ въ этомъ отношеніи составлялъ Стефанъ. Это вообще странная страница моей жизни, что наиболѣе плохія отношенія у меня возникали съ фармацевтами и не съ однимъ-другимъ, а многими. Вѣроятно, причиною этого было пергоресцированіе тѣхъ коммерческихъ сторонъ жизни, которыя профессія фармацевтовъ вноситъ въ коллегіальныя отношенія врачей.

Со Стефаномъ отношенія попортились еще въ Софіи. Есть такіе недалекіе люди, выдающейся чертой характера которыхъ является извѣстнаго рода подлаживанье подъ тонъ своего ближняго и, если этотъ ближній не завладѣетъ ихъ настроеніемъ, то подлаживанье переходитъ въ амикошонство, навязчивость и безцеремонность. Къ числу такихъ характеровъ, къ сожаленію, принадлежалъ и Стефанъ, по крайней мѣрѣ, по вынесеннымъ мною тогда впечатленіямъ: сперва онъ мнѣ оказывалъ разныя любезности, вниманіе, но когда я, очевидно, не овладѣлъ этимъ его настроеніемъ, сталъ язвить меня и амикошонски по моему адресу дѣлать глупыя замѣчанія.

Тоже самое было и въ пути. Стефанъ ѣхалъ въ ближайшихъ саняхъ, слѣдомъ за нами. Я сперва отмалчивался, но затѣмъ замѣчанія Стефана стали меня сердить и я сказалъ объ этомъ своимъ товарищамъ по санямъ, прося ихъ урезонить Стефана, такъ какъ иначе не обойдется безъ какого-либо скандала. Такъ оно и произошло.

Мы пріѣхали въ Турнь-Северинъ, гдѣ мѣстные Болгары устроили намъ ужинъ. Было это въ кафешантанѣ.

Большой залъ былъ ярко освѣщенъ. На эстрадѣ игралъ женскій оркестръ. Въ противоположномъ концѣ зала былъ сервированъ длинный столъ, за которымъ умѣстились добровольцы и нѣсколько человѣкъ Турнъ-Северинскихъ Болгаръ. Пили много и настроеніе было повышенное. Произносились тосты, высказывались пожеланія.

Стефанъ время отъ времени продолжалъ отпускать по моему адресу замѣчанія. Я отмалчивался. Чтобы выйти изъ-за стола мнѣ надо было пройти мимо него. Стефанъ подставилъ мнѣ ногу, я зацѣпился и едва удержался на ногахъ. Это вывело меня изъ себя и я съ размаху далъ ему пощечину.

Послѣ этого Стефанъ ударилъ меня и началась драка, которая, подъ вліяніемъ опьяненія, могла-бы жестоко закончиться, если-бы не вмѣшались товарищи.

Мнѣ очень неприятенъ былъ этотъ инцидентъ, омрачившій въ послѣдніе дни пребываніе мое съ Болгарами.

Я вызвалъ ближайшаго товарища Стефана, также студента фармацевта, Среброва и объяснилъ ему ту неизбежность пощечины, до которой Стефанъ довелъ меня.

„Я-бы на вашемъ мѣстѣ его тутъ-же пристрѣлил“, коротко отвѣчалъ Сребровъ.

Стефанъ подалъ мнѣ визитную карточку, приглашая въ Вѣнѣ къ барьеру; но товарищи потребовали, чтобы онъ извинился въ происшедшемъ предо мною, грозя въ противномъ случаѣ исключить его отъ всякаго дальнѣйшаго общенія съ отрядомъ. Стефанъ подчинился этому требованію и инцидентъ былъ исчерпанъ.

Впослѣдствіи я встрѣтился въ Вѣнѣ съ отцомъ Стефаномъ, припомнился и описанный инцидентъ. Отецъ неодобрительно относился къ поведенію сына и мы пріятельски разстались.

Вначалѣ января 1886 г. я возвратился въ Вѣну, а вскорѣ 3 марта 1886 г. въ Букарештѣ былъ заключенъ миръ.

У меня на долго сохранились отношенія съ Болгаріей отчасти чрезъ своихъ товарищей Болгаръ по медицинскому факультету, отчасти путемъ переписки ¹⁾.

1) Къ сожалѣнію, я не знаю въ чьихъ рукахъ теперь хранившаяся мною переписка, въ томъ числѣ и письма изъ Болгаріи и потому не могу ими воспользоваться для пополненія этого очерка.

Въ Вѣнѣ въ 1887 году я получилъ изъ военнаго министерства бронзовую медаль въ память войны на бѣлой съ красными полосками лентѣ¹⁾.

Я съ своей стороны послалъ Петру Каравелову слѣдующее стихотвореніе :

Туда, на югъ влекутъ меня воспоминанья,
Гдѣ въ первый разъ свободу я позналъ,
Что силою борьбы и яснаго сознанья
Народный духъ, народъ себѣ создалъ . . .

Туда черезъ Балканъ, на тотъ оазисъ чудный,
Что, какъ пустыней, гнетомъ окружень,
Что посреди невзгодъ, борьбы и ломки трудной
Искусною рукою возвращень . . .

Народъ силенъ тамъ, свѣжъ и духъ его могучій
Ведеть его прямымъ путемъ, впередъ, —
Тамъ понять жизни смыслъ и въ жизни той кипучей,
Тамъ всѣ равны — правитель тамъ народъ . . .

Туда на югъ влекутъ меня воспоминанья,
Гдѣ свѣтлыхъ лицъ не мало я позналъ,
Гдѣ Климентъ, Петко гдѣ на высотѣ призванья,
За ту-бъ страну я жизнь свою олдаль²⁾ . . .

Событія въ Болгаріи шли впередъ неостанавливающейся поступью. Фигуры Петра Каравелова, скромнаго учителя, воспитанника Московскаго Университета, на посту министра-президента такого же безкорыстнаго и нуждающагося демократа, какъ и на своемъ учительскомъ посту и фигура Стамбулова исключеннаго и затаившаго въ себѣ злобу русскаго семинариста, честолюбиваго и не останавливающагося предъ средствами для достиженія своихъ цѣлей, разбогатѣвшаго приобрѣтеніемъ конфискованныхъ земель выселенныхъ Турокъ, окрасившаго кровью междуусобіи страницы своей исторіи и трагически закончившаго свою жизнь 27 марта 1891 г. — параллельно очертились.

Каравеловъ, чтобы избѣжать кровавыхъ событій, предпочелъ войти въ соглашеніе съ княземъ Александромъ, чтобы онъ (вѣроятно временно) уѣхалъ изъ Болгаріи. Стам-

1) Эту медаль, которую я носилъ на часовой цѣпочкѣ съ брелочками, украли у меня вначалѣ моей службы на о. Сахалинѣ въ 1897 г.

2) Это стихотвореніе было напечатано мною въ сборникѣ: Л. А. Андеевъ Стихи прозаика. С.-Петербургъ 1902.

буловъ, чтобы захватить въ свои руки власть и вызвать кровавыя событія, вернулъ князя обратно, заставилъ его отречься отъ престола и самымъ жестокимъ образомъ сталъ истреблять своихъ политическихъ противниковъ.

Въ защиту Стамбулова въ этихъ кровавыхъ событіяхъ указывается на его патріотизмъ, сдѣлавшій Болгарію цѣльною и самостоятельною страню. Пустыя слова: не было ни одного Болгарина, который бы, сохраняя теплыя чувства къ Россіи и Царю - Освободителю Александру II (почти въ каждомъ домѣ, на видномъ мѣстѣ, можно было видѣть его портретъ) не былъ бы одухотворенъ чувствомъ патріотизма и потребности національной самостоятельности, никакой кровавой скрѣпы на почвѣ междуусобной розни для этого не требовалось.

Страна нуждалась въ школахъ, гимназіяхъ, университетахъ: въ этомъ направленіи велъ Болгарію Каравеловъ и это укрѣпило болгарскую государственность.

Только на почвѣ прививки широкой культуры, рабы, райя, какими Болгары были въ Турецкую эпоху, эта страна втеченіе 30 лѣтъ могла превратиться въ стройное, цѣльное государство, избѣгнувшее втеченіе этого времени внѣшнихъ кровопролитій (не считая вынужденную 14-дневную войну съ Сербіей съ 13 по 28 ноября 1885 года) и авантюрныхъ предпріятій.

Каравелову съ другой стороны ставилась въ вину его двойственность: то онъ велъ самостоятельную болгарскую политику, то онъ проявлялъ склонность къ преобладанію русскаго вліянія. Какіе пустяки: онъ всегда одинаково былъ привязанъ ко всему русскому, къ русской культурѣ, къ русскому университету, но былъ безусловный патріотъ и приверженецъ самостоятельной государственности Болгаріи.

Съ этой точки зрѣнія я всегда относился къ болгарскимъ событіямъ и вмѣстѣ съ товарищами Болгарами переживалъ ихъ тревоги.

Поэтому нашъ взаимообмѣнъ мыслей не прекращался, а въ нѣсколькихъ случаяхъ, я принималъ непосредственное участіе въ товарищескихъ постановленіяхъ, такъ напр., послѣ казни 28 іюня 1890 г. Паницы (бывшаго воспитанника военно-юридической Академіи въ С.-Петербургѣ), я примкнулъ къ протесту противъ многочисленныхъ казней, выразившемуся въ письмѣ къ его вдовѣ.

Кромѣ названныхъ лицъ я въ концѣ девяностыхъ годовъ встрѣчался съ Беровымъ въ Вѣнѣ, куда онъ пріѣзжалъ отдохнуть и позаняться.

Въ дальнѣйшихъ отношеніяхъ къ Болгаріи, я вспоминаю съ удовольствіемъ о лейбъ-медикѣ князя Фердинанда докторѣ медицины Икаловичѣ. Этотъ хорошій и свѣдушій товарищъ, былъ ассистентомъ по кафедрѣ общей паталогіи у профессора Штрикера. Членъ украинскаго товарищества „Січ“ въ Вѣнѣ, онъ былъ спокойнымъ, увѣреннымъ послѣдователемъ украинскаго направленія въ русской жизни Австріи. Лейбъ-медикомъ онъ былъ назначенъ по рекомендаціи проф. Карла Брауна, къ которому болгарскій дворъ въ то время обратился. Въ 1890 г. Икаловичъ пріѣзжалъ въ Вѣну, гдѣ мы неоднократно встрѣчались.

Съ 1892—1896 годы моей службы въ Нижнемъ-Новгородѣ встрѣчался съ И. Я. Садовскимъ, который продолжалъ здѣсь свою военно-врачебную службу.

Въ первой половинѣ 1909 года я служилъ въ Главномъ Управленіи Россійскаго общества Краснаго Креста и былъ въ командировкѣ для борьбы съ тифозной эпидеміей. Предсѣдателемъ общества въ это время былъ князь М. И. Хилковъ. Преждевременно наступившая смерть его явилась неожиданнымъ ударомъ почти въ началѣ моей командировки.

Историческая будущность Болгаріи основана на широкой самостоятельной національной культурѣ. Къ счастью болгарскіе руководители это поняли и уже въ 1885 году, т. е. 8 лѣтъ спустя послѣ освобожденія изъ-подъ турецкаго владычества, въ Болгаріи было 8 гимназій, въ томъ числѣ преимущественно реальныя. Окончившихъ гимназій Болгарія посылала за границу въ университеты, обезпечивая учебные годы каждаго крупными стипендіями и изъ разныхъ концовъ культурнаго міра возвращались молодые дѣятели, внося въ страну все наилучшее, что они могли извлечь изъ своего студенческаго пребыванія за границей.

И дѣйствительно Болгарія представляетъ въ настоящее время рѣдкій счастливый примѣръ культурнаго возрожденія страны пережившей вѣка рабскаго угнетенія.

Втеченіе 30 лѣтъ изъ рабски придавленной и варварски управляемой турецкой провинціи она возродилась въ силь-

ное духомъ и самостоятельно прогрессирующимъ культурнымъ развитіемъ государство.

И эта вынужденная братоубійственная Болгарско-Сербская война, заставшая Болгарію въ критическій періодъ отстаиванія своей свободы, была въ сущности со стороны Болгаръ лишь возвращеніемъ строптиваго брата на надлежащее его мѣсто, а со стороны Сербіи проявленіемъ психопатическаго настроенія, которымъ какъ въ данномъ случаѣ, такъ и вообще характеризовалась дѣятельность короля Милана.

Май 1910 г.

Работы д-ра мед. Л. А. Ландау.

- 1) Патологія пьянства (по Тучеку). — Мед. Бесѣда.
- 2) Отчетъ Макар. земской Управѣ о холерной эпид. 1892 г.
- 3) О Гордѣвкѣ. — Сообщено въ Общ. охран. народн. здр. въ Н.-Новгородѣ. 1895.
- 4) Къ вопросу объ устройствѣ нервнаго отдѣла въ Нижегород. губ. земск. Больницѣ. — Мед. Бесѣда, 1895.
- 5) Случай преждевременнаго полового развитія дѣвочки. — Медицина, 1895, № 9.
- 6) Проектъ по санитарн. отдѣлу. Докладъ Губ. зем. Управы тверскогому очередн. губ. земск. собранію 1895.
- 7) Трамватическіе невроты. — Практ. Медицина, 1896.
- 8) Память мышечнаго чувства. — Докладъ въ СПб. Общ. Психіатровъ 13 апрѣля 1896 г. Научн. Об., 1896.
- 9) Мнемоника. — Энцикл. Словарь Брокгауза и Ефрона.
- 10) Къ вопросу о прирѣннн душевно-больн. на о. Сахалинѣ. — Сахал. Кал., 1898.
- 11) Очерки прирѣннн душевно-больн. на о. Сахалинѣ. — Сахал. Кал., 1899 и Тюремн. Вѣстн., 1899.
- 12) Нѣсколько словъ о гигиенич. состояніи Сахалинскихъ каторжн. тюремъ. Сахал. Кал., 1899.
- 13) Прирѣннн душевно-больн. заключенныхъ. — Тюр. Вѣстн., 1901.
- 14) Типы душевно-больныхъ на о. Сахалинѣ. — П. Александровскій, 1900.
- 15) Нужна ли на о. Сахалинѣ психіатрич. лечебница? — Докладъ въ СПб. Общ. Псих. 28 апр. 1901. (Въ печати не вышелъ).
- 16) О паранойныхъ состояніяхъ среди душевно-больныхъ каторжн. Сообщ. въ засѣданіи 29 янв. 1910. Мед. общ. им. Н. И. Пирогова при Имп. Юрьев. Унив.
- 17) Врачебно-Санитарн. организація на эмигрантскихъ пароходахъ русск. вост.-азиат. парох. Докладъ 26 апр. 1910 г. на XI. съѣздѣ Общ. русск. врачей въ пам. Н. И. Пирогова въ С.-Петербургѣ.

Цѣна 50 коп.